

Жест и взгляд способны о многом сказать

Когда его спрашивают: "Ты сын Петренко?" Он отвечает утвердительно и гордится своим отцом, полковником, кандидатом химических наук. А актер Алексей Петренко — всего лишь однофамилец. Игорь ПЕТРЕНКО — выпускник Театрального училища им. М.С.Щепкина. Он молод, но на его счету главные роли уже в четырех фильмах: "Условный рефлекс", "Звезда", "Кармен", "Водитель для Веры" и пяти телесериалах: "Московские окна", "Виллисы", "Кавалеры Морской звезды", "Курсанты", "Грехи отцов".

— Игорь, по-вашему, выпускники Театрального училища им. М.С.Щепкина чем-то отличаются от ребят, окончивших другие театральные вузы?

— Мне кажется, на сегодняшний день все настолько перемешалось, что говорить о школе какого-то училища не стоит. На съемочной площадке встречаются разные артисты, и вряд ли с уверенностью можно сказать, что один из них окончил Щепкинское, а другой — Щукинское. Скорее речь может идти о мастере. Я учился у Виктора Ивановича Коршунова и очень этому рад.

— После четырех лет обучения актерскому делу меняется ли восприятие фильмов, которые вы смотрите?

— Конечно, если раньше я смотрел легко и отдыхал, то сейчас очень мало фильмов, на которых я бы не задумывался о том, как это сделано. Невольно начинаю раскладывать картину на составляющие: работу оператора, режиссерские ходы, индивидуальность артиста. Мне уже интересно понять, какое количество штампов использует артист, или, может быть, он работает наблюдениями.

— Свой первый фильм "Условный рефлекс", в котором вы снялись еще в студенческие годы, тоже оцениваете по-другому?

— С этим фильмом как раз все получилось наоборот. Если раньше я думал, что он ужасный, то теперь он мне дорог. Считаю эту картину классикой жанра. Это был первый опыт режиссера, оператора, артистов. Группа из пяти человек работала на чистом энтузиазме, сами держали софиты, устанавливали свет, накладывали грим. Это штучный товар, ручная работа! Конечно, специалист скажет, что и картинка какая-то странная, и сюжет закручен так, что не каждый рискнет работать над ним, но это мое первое знакомство с кинематографом, оно мне многое дало.

— Почему вас не хотели утверждать в фильм "Звезда" на роль Травкина, за которую вы потом получили много наград?

— Это надо спросить у тех, кто был против. Наверное, они считали, что я внешне слишком благополучен, не способен справиться с серьезным материалом, не смогу сыграть глубины характера.

— Но, когда вы уже сыграли роль, почему были против того, чтобы самому ее озвучивать?

— На тот момент у меня было мало опыта, к тому же моему голосу присущи некая монотонность, суховатость, отсутствие эмоциональной окраски. Может быть, по этому поводу и возникла неуверенность, но я думаю, что, скорее всего, пошли на принцип: пусть Петренко и сыграл, но звучать его голос точно не будет. Устроили конкурс. Несколько артистов записа-

ли небольшие отрывки роли. Независимый эксперт, не зная, чей голос звучит, прослушав, выбрал мой. Так мне было позволено озвучить собственную роль.

— В фильме "Кармен" вы сыграли милиционера Сергея, который, испытав роковую страсть, ломает свою жизнь. Если бы ему предложили прожить жизнь заново, он что-нибудь бы изменил в ней?

— Я думаю, нет, он все бы оставил как было. Его не устраивала система, в которой он существовал. Оставаться в ней он не хотел, а идти ему было некуда. Однако сам бы он вряд ли что-то изменил, скорее всего, так и глыл бы по течению, и в этот самый момент разочарования на его пути, как искушение, встречается Кармен. Даже не встречается, а врывается в его жизнь как ураган и поворачивает ее на 180 градусов. Он сознательно сделал шаг в ее сторону, а потом пошел за ней, а затем уже позволил себе раствориться в этой женщине. Он ни о чем не жалел.

— Многие ли мужчины хотели бы испытать такую страсть?

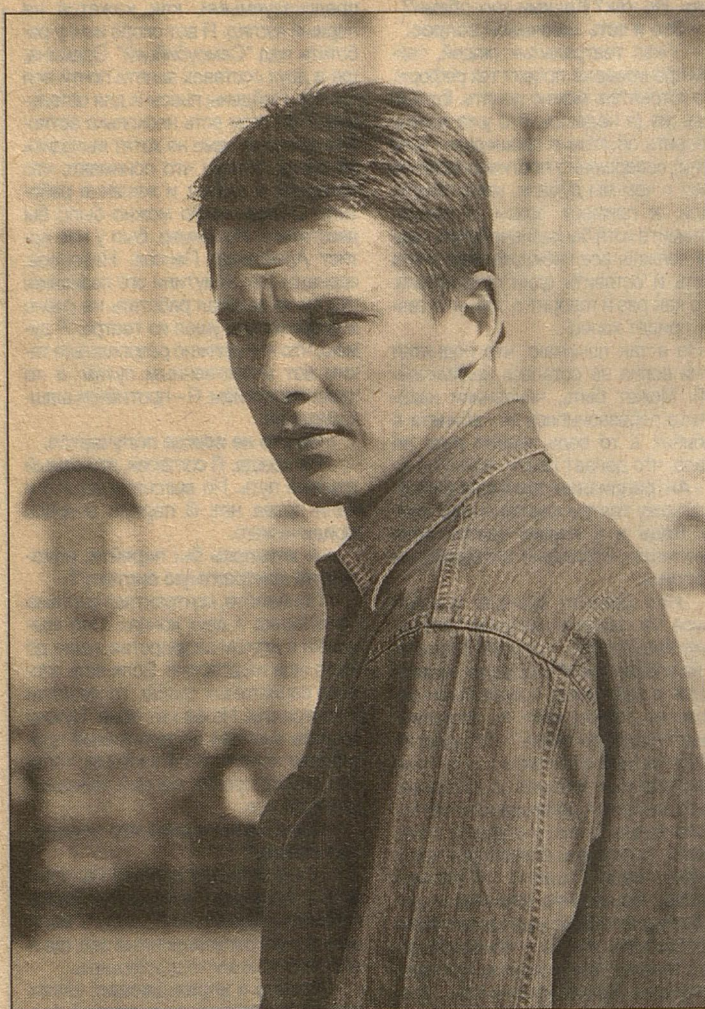
— Думаю, многие, но вряд ли найдутся такие, которые захотят, чтобы эта страсть их так сгубила.

— В связи с тем, что фильм "Водитель для Веры" снимался с большими перерывами, какие трудности вы испытывали?

— Ты живешь работой, погружаешься в нее, она в тебе зреет. Вдруг съемки приостанавливаются и возобновляются только через год. Ты вышел из дому, начал говорить фразу в прошлом году, а продолжить ее и сесть в машину должен в этом. Тебе нужно все это держать в голове, нести тот прошлогодний шлейф, с которым ты выходил из дому. Была еще одна сложность. Для роли водителя Виктора мне нужно было поправиться, увеличить объем. Я ходил в тренажерный зал, накачивал мускулы, со мной занимался тренер. Когда съемки приостановились, я стал рассматривать другие предложения. Для одного из них мне нужно было похудеть. Я стал худеть, сбросил десять килограммов, вдруг узнаю, что съемки фильма "Водитель для Веры" возобновляются. Пришлось снова поправляться, а для меня это сложнее, чем похудеть, и в картине, если приглядеться, это видно.

— Вашим героем, Виктором, движет только расчет?

— Нет, конечно. Он одинокий, несчастный человек. Потеряв всех родных и близких, он не только находит в себе силы жить, но и ставит перед собой цель — сделать карьеру. Время было непростое. Да, он пишет фактически доносы на тех людей, у которых живет, начинает крутить вынужденный роман с дочкой генерала, но он же, не задумываясь о том, что его собственная жизнь висит на волоске, пытается спасти генерала, рискует всем, а потом спасает ребенка.

И. Петренко

— Машину из горящего гаража вы сами выводили?

— В момент взрыва нет, но я забежал в горящий гараж и вылезал из него. Крыша гаража была покрыта рубероидом, от жары он начал плавиться и течь внутрь гаража. В тот момент, когда я забежал внутрь, оказался в центре рубероидного дождя. Едва успел заскочить в машину, как ее всю залило. В целом все обошлось, но плечи и руки мне все-таки обожгло.

— Трюки выполняете сами?

— Я в состоянии выполнить какие-то трюки, потому что спортивно подготовленный человек. Владею шпагой, верховой ездой, хорошо вою машину. В фильме "Водитель для Веры" была машина ЗИМ. Она огромная. Ее габариты почувствовать сложно. Спереди капот, сзади люксовое место для пассажиров, но я оставался так, что центр колеса был точно на отметке. Раньше я рвался все выполнить сам, потому что прыгать и в огонь, и в воду — это круто, это о многом говорит. Теперь понимаю, что, во-первых, у каждого своя работа. Каскадеры этим зарабатывают. А во-вторых, во время исполнения опасного трюка случается что с артистом, остановится съемка, и без работы останутся двести человек. Так что теперь я успокоился и выполняю трюки только с разрешения каскадеров.

— "Московские окна", "Виллисы", "Кавалеры Морской звезды", "Курсанты", "Грехи отцов" — не расстрачиваете ли вы себя, так часто снимаясь в сериалах?

— Раньше артист мог целый год готовиться к роли, но раньше и жизнь была другой. Сейчас другое время, другой темпоритм, нужно искать себя, пробовать различные амплитуды, менять образы. Я стараюсь, несмотря на обилие сериалов, сделать так, чтобы мои герои были разными. Не позволяю себе халтурить, работаю над образом даже там, где все поставлено на конвейер. Я просто подругому не умею.

— В сериале "Грехи отцов" вы постриглись налысо, чтобы ваш герой и внешне отличался?

— Меня так постригли раньше, в сериале "Курсанты", причем прямо в кадре. Когда я согласился играть в сериале "Грехи отцов", стали думать о парике, но потом решили, что мой герой может быть и с бритой головой. В то время это было не только модным, это говорило еще о состоятельности человека. Только богатый человек мог позволить себе каждый день услуги цирюльника, а он как раз из таких, молодых да ранних. Он сам себя сделал, сколотил состояние, так почему бы ему теперь не пользоваться атрибутами своего богатства.

— Часто прибегаете к маленьким актерским хитростям?

— Они облегчают работу над образом. Походка, манера произносить слова, особенности поведения — все работает на характер героя. Определенный жест, взгляд способны о многом сказать. Иногда артист, спрятавшись за приспособления, может ничего не делать, просто сидеть и крутить что-то в руках. При этом он не играет, выполняет все чисто техниче-

ски, а получается какая-то черта характера, которую подмечает зритель.

— Должен ли актер наблюдать за прототипом?

— Если это связано с профессией, то, не ознакомившись с родом деятельности, не узнав привычки, повадки, нюансы, присущие ей, роль невозможно сыграть. Если мне придется играть хирурга, пойду в больницу, буду наблюдать, как он работает, как держит инструмент, о чем говорит с коллегами.

— Вряд ли сейчас кто-то из молодых артистов последует вашему примеру.

— Я считаю, что для артиста это самая правильная подготовка. Отсутствие профессиональных навыков всегда видно на экране. Когда артист с важным видом играет персонажа, ничего не смысля в том, как именно тот должен выполнять свою работу, это выглядит смешно.

Артист, погруженный в профессию, уже не может просто так общаться с людьми. Он поневоле начинает считывать особенности характера. Такое количество разобранных ролей, что я начинаю понимать мотивацию многих поступков, которые не совершал и, скорее всего, не совершу, но о которых я знаю, потому что разбирал их, устанавливал причинно-следственную связь. Моя профессия помогает мне стать мудрее, понимать людей и быть к ним снисходительнее.

— Всегда ли вы знаете, как будете играть роль?

— Далеко не всегда. Иногда я вижу общую картину, иногда лишь наброски, потом роль начинает обрастать деталями, подробностями. Что-то приходит до начала работы, что-то во время, а что-то и после того, как уже сработал, и всегда обидно, что поздно. Бывает и так, что, представляя себе, каким должен быть мой герой, я не знаю, как играть ту или иную сцену. Тогда на помощь приходят режиссер, оператор, партнер. Кино — дело коллективное, и очень многое зависит от людей, которые тебя окружают.

— Предпочитаете, чтобы режиссер делал вам замечания или оставил вас в покое?

— По-разному, в зависимости от материала. Я получаю удовольствие и от общения с режиссером, и от сознания того, что принадлежу сам себе. Во втором случае понимаю, что все зависит от меня, что мне нужно максимально включить свою фантазию, придумать что-то самому. Радуюсь, когда получается, но в работе с такими режиссерами, как Павел Чухрай, Александр Хван, Николай Лебедев, интересно попытаться выполнить то, что хотят они, потому что это всегда непросто. Нарботанным штампом тут не обойдешься. Нужно быть гибким, приложить массу усилий, чтобы это было органичным еще и для тебя.

— С каким чувством в детстве вы смотрели фильмы о войне?

— С гордостью, патриотизмом, с желанием оказаться там, среди этих людей.

— А с каким чувством сегодняшние подростки смотрят вашу "Звезду"?

— Надеюсь, что они будут испытывать подобные же чувства. Мы вози-

ли картину "Звезда" в детский лагерь "Орленок". Показали фильм, встретились с юными зрителями. Возвращаемся в гостиницу, а в кустах мальчишки кричат: "Я — "Звезда", я — "Звезда", слышите меня?" Это была самая высокая оценка моей работе. Не награды, не призы, а вот эта игра мальчишек в наших солдат.

— В сказке сыграть не хотели бы?

— Очень, причем любого героя. Это совсем другой жанр, там совершенно другие законы игры. Сейчас заканчиваю работу над злодеем Лучезаром в картине Николая Лебедева "Волкодав", которого считаю во всех отношениях все-таки положительным персонажем. За весь фильм он столько всего натворил, но ничего плохого никому не сделал.

— Вы смогли бы работать в Голливуде?

— Если бы знал хорошо язык, то, наверное, смог бы, но у меня особого рвения ехать туда нет. Сейчас выйдет ряд картин, по которым будет ясно, что Россия уже в состоянии сделать кино на высоком техническом уровне. Перед западным кино у нас всегда будет преимущество, потому что им уже сейчас во многом не хватает душевности, которая у нас еще не совсем потеряна, несмотря на то что уже сработано много картин, копирующих Запад, в которых есть одна только клиповость и ничего, кроме этого. Души там нет.

— Амбиций по поводу того, чтобы сыграть Гамлета, Сирано, Чацкого, нет?

— Хочу сыграть всех, но не ради того, чтобы просто сыграть. Ты можешь играть знакомого персонажа, если тебе есть что сказать, тогда происходит слияние героя с тобой. А если внутри ничего нет, одна пустота, то и не стоит даже начинать.

— На сцену не тянет?

— Сейчас я приступил к репетициям в антрепризном спектакле режиссера Петра Штейна "Мой бедный Марат", но так как процесс находится в самом начале пути, рассказывать что-либо об этом не могу.

— Ради театра вы можете отказаться от кино?

— Не уверен, что прямо сейчас готов решить эту дилемму. Я знаю, что такое театр. Пусть и недолго, но после окончания Щепкинского училища работал в Малом театре. Знаю, что такое выходить на сцену и получать адреналин. Я понимаю, что непосредственное общение со зрителем ничто заменить не может, но сегодня магия кино меня притягивает больше, может, потому, что я мечтаю снять свое кино.

— Будете учиться на режиссера?

— Я знаю много режиссеров с образованием, с именем, которые снимают без права на то, чтобы снимать кино. И наоборот, знаю многих без образования, которым есть о чем рассказать людям. Они имеют вкус, чутье и понимание, как это выразить на экране. Я пока наблюдаю, много читаю, встречаюсь с режиссерами, прошу их поделиться опытом.

— Уже знаете, каким будет ваш фильм?

— Это будет доброе кино.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ